

М.Н.Громов

Славянофильство: историософский аспект

Славянофилы, особенно первая их волна, оказали неизгладимое, пробуждающее, вдохновляющее воздействие на жизнь российского общества в эпоху полицейского царствования Николая I, когда все более сгущались тучи в канун Крымской войны, потрясшей страну.

Если «Философские письма» Чаадаева раздалися, по памятиному выражению, подобно выстрелу в ночи и взбудоражили общественное мнение, прозвучав пощечиной казенно-оптимистической идеологии, то славянофилы попытались выдвинуть *позитивную программу* развития страны путем обращения к забытым старорусским первоисточкам. После очистительной грозы 1812 г. Россия жаждала подобного обращения. Более чем столетний период ученичества, погони за Западом, во многом полезный, но по ряду критериев спорный, заканчивался.

«Время подражания... проходит!» — воскликнул Алексей Степанович Хомяков. «Мы не можем удовлетвориться тем, чем недавно восхищались. Мы понимаем, что формы, принятые извне, не могут служить выражением нашего духа и что всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самою»¹.

Так писал вождь славянофилов на листах «Письма в Петербург по поводу железной дороги», опубликованном во 2-й книге «Москвитянина» за 1845 г. Это удивительное сочинение эпистолярного жанра весьма характерно как для русской манеры философствования в целом, так и для творчества Хомякова в отдельности. Отталкиваясь от вопроса «любезного друга» по поводу значения железных дорог, открывающих новую эру в развитии России, он переходит к глубоким историософским и

культурологическим размышлениям касательно европейской цивилизации, геополитического значения Москвы как «естественного центра» страны, российской словесности, «художества звука» и «художества слова», примата существования перед осмыслением сущности («Жизнь всегда предшествует логическому сознанию и всегда остается шире его»)² и других вопросов.

Это блестящее эссе, в котором сочетается широта кругозора и умение видеть бытие в его целостности согласно духу «религиозной философской культуры» (Г.Флоровский)³, когда мысль воспаряет от созерцания единичного факта действительности к панорамному ее изображению, причем в великолепной, пластичной, эстетической форме, представляет вдохновенный синтез литературно-философского творчества, характерный для славянофилов как выразителей устойчивой традиции отечественного стиля мышления, заложенного еще во времена Древней Руси не без влияния кирилло-мефодиевского наследия⁴. Уже тогда сложился преобладающий тип русского мыслителя как проповедника, просветителя, подвижника, исповедника и нередко мученика жизнестроительной философии, а не кабинетного ученого, высокооумного схоласта, рассуждающего об отвлеченных категориях гносеологии, логики и онтологии, достойного уважения как честного труженика науки, но не умеющего воспламенить живым глаголом.

Касаясь недавних событий периода наполеоновских войн, обнаживших не только взаимосвязь, но и обусловленное несовпадением целей глобальное противостояние России и Европы, Хомяков писал в рецензии на оперу Глинки (которого он считал сильнейшим выразителем национального самосознания в музыке, «художестве звука») «Жизнь за царя»: «Прошли века, государство Русское окрепло, но новое нашествие с Запада требует нового сопротивления. Это нашествие не меча и силы, но учения и мысли. И против этих нашествий бессильна всякая вещественная оборона, и сильно одно только — глубокое душевное убеждение»⁵. Россия должна не только мечом, политическими, дипломатическими, но и духовными силами отстаивать свою самобытность и свои законные интересы, продолжая при этом взаимоприемлемое сотрудничество с Западом, который уважает сильного соперника и подминает слабого.

Не будем касаться воззрений Хомякова и его единомышленников, они достаточно хорошо известны и вызывают у различных кругов, вполне естественно, разное к ним отношение.

Но позволительно поставить вопрос — были идеи славянофилов необъективными, тенденциозными, крайними? Да, при всех оговорках, безусловно, были и иными быть не могли.

Ибо славянофилы представляли собой таран, ударную силу, которая стремилась поколебать сложившийся порядок вещей, разнести окаменевшие стереотипы, пробиться к живительным родникам первородной жизни: прорубить, перефразируя известное выражение, окно обратно в полузабытую Древнюю Русь, однако не путем социальных катаклизмов, но путем очищения основ общественного бытия, пробуждения творческого потенциала народа, создания такой системы организации социума, которая не подавляла бы, подобно николаевскому режиму, напоминающему прусскую казарму, но раскрывала возможности граждан. Заметим, кстати, что славянофилам приходилось вести идейную борьбу с европоцентризмом по двум направлениям: во-первых, против либерального и радикального западничества, оппозиционного правительству; во-вторых, против самого вестернизированного правящего режима, весьма подозрительно относившегося к «московской партии» и всячески третировавшего ее.

Славянофилы были тенденциозны, это нельзя отрицать, но настолько, насколько тенденциозны любые первопроходцы, основатели новых учений, несущие в себе энергию *порыва*. Взгляд же спокойный, рассудительный, беспристрастный возможен, чаще всего, с позиции стороннего наблюдателя, независимого эксперта, не вовлеченного в события исследователя. Он тоже полезен и необходим, но творчески бесплоден, хотя функционально оправдан, заполняя свою нишу в общей интеллектуальной ситуации. Впрочем, тяга к объективности может быть вызвана и иными причинами, положим, стремлением к справедливости и истине.

Тенденциозность славянофильства нельзя рассматривать вне конкретного исторического контекста. Ей противостояла не менее активная тенденциозность западничества. И только вместе взятые они помогают понять смысл полемики. Противостоя как оппоненты, нередко довольно резко и остро, они вместе с тем взаимодополняли друг друга, образуя то *динамическое противоречие*, которое служит двигателем, мотором, мощной силой для активизации социальных и идейных процессов, которое пульсирует в мировой и отечественной истории, отражается в мышлении, наталкивает на поиски «целостного метода», к чему стремились славянофилы, в частности И.Киреевский⁶.

Подобная борьба, если для нее созданы равноправные условия, если нет стремления уничтожить противостоящую партию, если она ведется честно, аргументировано, с апелляцией ко всему обществу — такая борьба способствует преодолению застоя, пробуждению и самореализации творческих сил, динамичному развитию социума.

Другое дело, что в России по ряду причин не сложилось до сего дня подобной сбалансированной и справедливой для всех представителей разнообразного политического и идейного спектра атмосферы взаимоважного диалога. При этих обстоятельствах возникает деструктивная конфронтация, изнутри разрушающая страну. Энергия внутреннего противоречия тратится не на позитивное ее использование в интересах общества в целом, а на эгоистическое, временное, мнимое торжество одной из сторон.

Хомяков, при всей пылкой любви к Отчизне и отсутствии слепого восторга перед Западом, не мог не отметить разумной организации английского общества, где издавна существует эмпирически найденное и легитимно закрепленное равновесие между *консерватизмом*, сохраняющим здоровые традиции устойчивого существования нации, и *либерализмом*, делающим ставку на стимулирование индивидуального начала. И тот успех, которого достиг Альбион не только на Британских островах, но и по всему миру к середине XIX в., во многом объясняется удачно созданной моделью организации собственного социума⁷. Хотя при этом Хомяков прекрасно понимал, что нельзя механически переносить британский опыт на российскую почву.

Не случайно в совершенно иной сфере, при освещении истории православия, Алексей Степанович делает упор на его *соборности*, которая органично сочетает единство церкви как мистической организации во главе с Христом и уважение индивидуальной религиозной свободы каждого верующего человека⁸. При этом он упрекал (насколько продуманно и доказательно — особый вопрос) католицизм в доминировании внешнего принудительного сплочения, а полемизировавший с ним протестантизм — в увлечении индивидуалистическим началом, могущим привести к гиперкритицизму, десокрализации как общества, так и отдельно взятого индивида.

В отличие от эпигонов, упрощавших ситуацию, и едких обличителей, намеренно утрировавших ее, Хомяков, Иван Киреевский, Самарин и другие вожди славянофильства чувствовали глубинный смысл скрытого противоречия отечественной исто

рии. Они нащупали болевую точку, затронули одну из самых существенных и всегда злободневных для России проблем, прослеживаемую в русле более чем тысячелетней ее эволюции сквозь стадии языческой и христианской Руси, допетровской и послепетровской Руси, советского и постсоветского общества.

Речь идет о соотношении местного, укорененного, автохтонного и привносимого, внешнего, заимствованного факторов во всех сферах жизни, в общественном и личностном сознании. В этом смысле славянофильство на всех его этапах было не первой и не последней попыткой осмысления и решения фундаментальной для России проблемы, хотя и одной из самых искренних, во многом жертвенной и подвижнической. Как писал А.И.Кошелев, касаясь бескорыстного служения избранному идеалу, присущего Хомякову: «Жизнь этого человека была постоянным подвигом на благо ближнего, подвигом, который достойно оценится разве потомством»⁹.

Герцен верно уловил то подспудное течение, идейным выразителем которого стало славянофильство. Называя его «славянизмом» или «русизмом», в присущей ему несколько экзальтированной и цветистой манере, наш западник писал, что «не как теория, не как учение, а как оскорбленное народное чувство, как темное воспоминание и верный инстинкт, как противодействие исключительно иностранному влиянию» славянофильство существовало «со времени обрятия первой бороды Петром I» как «противодействие петербургскому терроризму образования», т.е. насильственной вестернизации общества, в том числе в интеллектуальной, образовательной сфере. Герцен вспоминает и казненных стрельцов, и замученного царем единокровного сына Алексея, и ненависть к иноземцам при Бироне, и старообрядцев, и даже русских солдат 1812 г., требовавших замены Барклая-де-Толля Кутузовым¹⁰. Не случайно, например, появление в политической лексике декабристов, даже у таких западнофильствующих мыслителей, каким был протестант Пестель, терминов «Русская правда», «вече», «дума», как их стремление пробудить доимперские элементы национального менталитета¹¹.

Можно согласиться с современным исследователем Н.И.Цимбаевым, рассмотревшим полисемантизм термина «славянофильство» и связанного с ним целого букета наименований, что данное определение как обобщающее понятие «служит для обозначения самых разных явлений русской политической и общественной жизни в хронологическом интервале от IX до XX вв.»¹². И, заметим, не является вполне адекватным, уместнее был бы термин «русофильство».

Действительно, если внимательно проследить всю нашу историю от начала до сего дня, то бросаются в глаза: противостояние славянского и варяжского элементов во времена образования раннесредневекового государства; антикатолическая, а затем антипротестантская полемика древнерусских авторов; негодование по адресу западника XVI в. — бежавшего в Литву князя Курбского; споры грекофилов и латинофилов в XVII в.; стычки противников и сторонников петровских реформ; взаимные уколы последователей Шишкова и Карамзина — это все до Хомякова. На многое можно указать и после него: на возникновение неорусского стиля, патриотические подъемы во времена I и II мировых войн, борьбу русофилов с космополитами, плеяду деревенщиков, кумира последних лет — Солженицына, на нынешнюю вражду двух станов, условно называемых «патриотами» и «демократами».

Кроме констатации данной цепи фактов, для кого-то очевидных, для кого-то искусственно выделяемых (в зависимости от выбранной системы отсчета), важнейшими являются вопросы: 1) как объяснить подобную ситуацию? 2) какую позицию при этом выбрать?

Что касается первого, то исчерпывающего объяснения, всех удовлетворяющего, быть не может; однако уместно принять указанное выше фундаментальное противоречие развития российского общества как реально существующее, имманентное по своей сути, актуализирующееся или притухающее в разные периоды. Это, если угодно, тайна нашего бытия, вывернуть наизнанку которую и представить на лицезрение заинтересованной публике невозможно. Это такая же невыразимая вербальными и иными средствами тайна, как жизнь, человек, мир, душа, вселенная, Бог. Разумеется, можно и должно эмпирически изучать данную проблему, позитивистски и мистически ее истолковывать, давать философский и культурологический анализ, издавать источники и добросовестно их комментировать, однако мы не должны забывать о всей малости, поверхностности, субъективизме наших усилий перед лицом великой, неизъяснимой, бездонной загадки бытия России в одной из важнейших ее противоречий. Лишь с позиции вечности, которая нам недоступна, можно приблизиться к постижению подобных вещей.

Если коснуться второго вопроса, то здесь возможные варианты более заземлены. Но избави Бог поддаться соблазну принятия абсолютной правоты одной из сторон. Это самый простой, но и самый губительный путь. Нельзя считать полезной толь

ко центробежную или центростремительную силу, нужными только традиции или новации, ценным только укорененное или заимствованное. Необходим оправданный для сохранения и развития сложной развивающейся системы, каковой являются и общество в целом, и культура, и философия, и отдельный индивид, оптимальный баланс составляющих его сил и тенденций. Любой крен в ту или иную сторону работает на дисбаланс, деформацию и в конечном счете на разрушение системы. Для выправления же накапливающейся однобокости развития, как это не раз бывало в отечественной истории, приходится принимать чрезвычайные усилия, ведущие к крену в иную, противоположную сторону. Создание динамичной и устойчивой при этом модели организации социума — наиважнейшая задача, быть может, даже сверхзадача нашего общества, от успешного решения которой зависит будущее России.

Славянофилы были правы в своих воззрениях не абсолютно, но настолько, насколько это требовалось для выправления искривленного пути развития в русле жесткой вестернизации страны после петровского переворота. Если бы они сами стали правящей партией и попытались реализовать сполна свою программу, то вовсе не исключено, что мы бы имели крен в иную сторону. Нечто похожее было при Александре III с его политикой русификации или распространенным на рубеже веков и поощряемым сверху эклектическим стилем «а ля Рюсь».

Полезно вспомнить, что Хомяков, при всей критике петровских нововведений, не мог не признать их необходимости. Другой вопрос — цена реформ, необходимость их корректировки, учет не только имперских целей государства, но и человеческих интересов россиян, бережное отношение к традициям, необходимость соизмерять внешние амбиции с внутренними возможностями страны.

Полезно также вспомнить эпоху крещения Руси, когда на смену традиционному, укорененному, привычно родному языческому отношению к миру пришла новая неведомая ранее вселенская вера, принесенная иноземцами греками. Это был еще более радикальный переворот в душах людей, но Русь его пережила и возвысилась над своим прошлым. Она выработала новое самосознание, в котором христианский универсализм сочетался со стойким патриотизмом, великолепным выражением коего является «Слово о законе и благодати» митрополита Иларио

на¹³, одно из лучших произведений не только отечественной, но и европейской богословско-философской мысли раннего Средневековья¹⁴.

Сложность проблемы заключается еще в том, что кроме объективного, суммирующего подхода, немногими носителями которого являются либо внешние наблюдатели, либо стремящиеся к полноте охвата внутренние участники указанной диспозиции, большинство индивидуумов склонны становиться на точку зрения одной из сторон. Они не в силах удерживать в себе раздирающее изнутри противоречие и переходят в один из станов. Подобная позиция вполне уместна, если ее носители понимают себя как часть целого, как выразителей одной тенденции, не абсолютизируя ее, не считая единственно верной, не претендуя на роль обладателей истины и не зачисляя своих оппонентов в апологеты лжи.

Это звучит особенно актуально в раздираемой изнутри современной России и перед лицом активного действия внешних, не только дружественных нам сил. Разрушающего и обособляющего «философского кичения», говоря словами древнерусских авторов, у нас предостаточно, «смиреномудрия» же, умиряющего и созидającego, явно не достает. Не достает нам и сокрушения гордыни, когда подавляется в душах людей буйство языческой невозддержанности, о чем писали многие отечественные мыслители, в частности митрополит Никифор великому киевскому князю Мономаху¹⁵.

Присущее славянофилам христианское смирение не умаляло в них духа борьбы за свои идеалы. Они стремились вернуть российское общество не на уровень Древней Руси, а к целостному, не расколотому состоянию, в котором оно пребывало до XVIII столетия. Три великих раскола потрясли Россию: *церковный* при патриархе Никоне, разделивший единое в своем исповедании веры население на сторонников официального православия и ревнителей древлего благочестия; *гражданский* при Петре Великом, когда от основной массы народа отделилась европеизированная элита, а позднее возникла оторванная от народных корней интеллигенция; *тотальный* после 1917 г., связанный с полным разрушением традиционного общества, составляющих его сословий, всего уклада жизни, веры не только русского, но и всех народов России.

Из этих великих расколов славянофилов наиболее болезненно переживали второй, касались первого и опасались третьего, который вылезал в XIX в. среди нигилистических, радикальных, экстремистских кругов. Нынешняя Россия испытывает страдания от всех постигших ее потрясений. И для заживления ран, воссоздания единства общества весьма актуальным представляется обращение к наследию славянофилов, их полемике с западниками и осознание противоречивого единства «друзей-врагов», которые были двумя ипостасями одного живого организма, их общей Отчизны, но подобно двуликому Янусу смотрели в разные стороны.

Не следует опасаться якобы присущего славянофилам изоляционизма. Их деятельность совпадала с общим национальным пробуждением народов Европы, в том числе славянских. Их романтический порыв был связан с европейским романтизмом, предвосхищавшим «культур-критику» XX в. (С.Аверинцев), они не мыслили Россию вне цивилизованных стран, но выступали за более глубокое осознание ее своеобразия, использование творческого потенциала, не игнорирование, а достойное проявление присущей ей, как и всем иным странам, самобытности¹⁶.

В заключение хотелось бы напомнить строки Алексея Степановича Хомякова, начертанные им в альбом чешскому слависту В.Ганке во время пребывания в Праге летом 1847 г. Это краткая молитва России, обращенная к Спасителю:

Не дай ей рабского смиренья,
Не дай ей гордости слепой,
И дух мертвящий, дух сомненья
В ней духом жизни успокой¹⁷.

Примечания

- ¹ *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1900. С. 117.
- ² Там же.
- ³ *Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия. 3 изд. Париж, 1983. С. 253.
- ⁴ *Grotov M.N.* Medieval Russian Philosophy as a Cultural-Historical Phenomenon: A Typological Delineation // *Synthesis philosophica*. Zagreb, 1990. Vol. 5. Fasc. 1. P. 65-83.
- ⁵ *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 99.
- ⁶ *Мюллер Э.* Киреевский и немецкая философия // Россия и Германия: Опыт философского диалога. М., 1993. С. 141-143. См. также: *Muller E.* Russischer Geist in europaischer Krise. Ivan Kireevskij (1806-1856). Köln; Graz., 1966.
- ⁷ *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 42.
- ⁸ *Зеньковский В.В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 219; *Бердяев Н.А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 170-188; *Благова Т.И.* Алексей Степанович Хомяков и Иван Васильевич Киреевский. Жизнь и философское мировоззрение. М., 1994. С. 81-91.
- ⁹ *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С. 126.
- ¹⁰ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 т. Т. IX. М., 1956. С. 135-136.
- ¹¹ *Сухов А.Д.* Хомяков, философ славянофильства. М., 1993. С. 32-34.
- ¹² *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 53-54.
- ¹³ *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 10-22; *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Иллариона. Киев, 1984.
- ¹⁴ *Muller L.* Die Werke des Metropoliten Ilarion // *Forum slavicum*. Bd. 37. 1971.
- ¹⁵ Русские достопамятности. Ч. 1. М., 1815. С. 59-75; *Шевырев С.* История русской словесности. Ч. 2. СПб., 1887. С. 111-115.
- ¹⁶ *Сербиненко В.В.* История русской философии XI—XIX вв. М., 1993. С. 50-51.
- ¹⁷ *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1900. С. 240.